

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОРОЛЬКОВ,
(1905 - 1967г.)

О преждевременной смерти донского скульптора Сергея Григорьевича Королькова зарубежное Казачество узнало со страниц журнала "Родимый Край". С тех пор прошло 25 лет, но память об этой на редкость одаренной личности, пламенного патриота-казака, в высшей степени принципиального, отзывчивого человека, не только не угасла в сознании зарубежных соотечественников, но, при возрождении Казачества, также привлекает к себе острый интерес наших братьев-казаков на Родине.

Помимо раньше опубликованных биографических данных, в этом очерке приводятся новые, а также ряд интимных, известных только близким, эпизодов из жизни скульптора.

Буду надеяться, что предлагаемый очерк хотя бы частично удовлетворит встреченных мною на Дону соотечественников, желающих глубже ознакомиться с нравственными причинами, побудившими Королькова бесповоротно и добровольно покинуть им выше всего возносимую и горячо любимую Родину.

-----о-----

Сергей Григорьевич Корольков родился на Дону в 1905 году в Константиновской станице. Молодые впечатлительные дореволюционные годы он провел среди чарующих воображение степей Сальского округа, где отец его служил на зимовнике у своего родственника. По рассказам моей матери - дочери старшего из братьев коннозаводчиков Ивана Яковлевича Королькова - на главном "Гудовском" зимовнике на Пасхальные и Рождественские празднования собирался многочисленный род казаков Корольковых. С ранних лет в них принимал участие и маленький Сережа. Чуть ли не с пятилетнего возраста он никогда не расставался с тетрадью, на страницах которой с поразительным сходством зарисовывал лица присутствующей бородатой, старообрядческой родни.

Поражал не только талант к рисованию подрастающего казачонка, но также и его изумительная зрительная память. Мельком взглянув на объект будущей зарисовки, отвернувшись, маленький Сережа точно и безошибочно, вырисовывал его на странице своей тетрадки. Лишь однажды попавшийся на глаза сюжет не покидал памяти будущего художника до конца его жизни. По словам близкого знакомого Королькова - Михаила Васильевича Миллера, однажды, при разговоре об отце, Корольков мгновенно, на клочке бумаги нарисовал портрет человека, виденного им мельком лишь раз, лет двадцать до этого разговора.

Казачий, ни с чем не сравнимый привольный быт, беспредельные, богатые своеобразной флорой и фауной задонские степи, повседневная дружба с табунщиками-казаками, их рассказы по вечерам где-нибудь в степи при тлеющем костре навеки врезались в впечатлительную душу подростка-казака.

Из окружающего живописного мира более всего молодого казака чарует и как магнитом притягивает красота, изящность и ревность донского красавца-коня. С малых лет, также как и каждый подрастающий казачонок, он бесстрашно, задыхаясь от испытанного блаженства, скачет по беспредельной задонской степи. Врожденный художник внимательно изучает каждый мускул, каждую жилку, каждую привычку вернейшего своего друга-кона. Не менее внимания уделяет

Корольков стремлению изучить и характер, и качества красавца задонских степей. Его восхищение и любовь к казачьему природному коню не допускала ни критики, ни сравнения.

Однажды, при разговоре с Сергеем Григорьевичем о достоинствах донской конской породы, я имел неосторожность упомянуть, что благодаря ее скрещиванию с англосаксонской и арабской породами моему деду удалось достигнуть значительного ее усовершенствования. С привычной ему резкостью и откровенностью, не считаясь ни с моим самолюбием, ни с всесторонне признанным знанием деда коннозаводческого дела, он возмущенно, безапелляционно заявил: "Чепуха, вздор, посторонней смесью донского коня улучшить невозможно. Посторонней кровью дончака только можно испортить, так как он из себя представляет нечто законченное, на редкость красивое и совершенное!"

Спорить с Сергеем Григорьевичем было безнадежно, не только переубедить, но даже уговорить его выслушать иную точку зрения было невозможно. Бывали случаи, когда в гостях, сидя за столом, если чай-нибудь рассказ или высказывание личного мнения Королькову был не по вкусу, он вставал и уходил в другую комнату.

При проявлении Сергеем Григорьевичем полного отсутствия душевной гибкости мне всегда приходила мысль, что той же принципиальной и непоколебимой стойкостью отличались род-

Корольковы - мать с сыном 20-е годы, Ростов на Дону.

ственные ему староверы никоновских времен, казаки - Некрасовцы и многие другие казаки, во имя своих непоколебимых убеждений стойко и добровольно принимавшие мучительную смерть, или, в некоторых случаях, не менее мучительное изгнание...

Своих возлюбленных коней он изображал в напряженном, ничем не ограниченном движении, с раздувающейся на ветру гривой, с раздутыми дымящимися ноздрями и вздутыми до-отказа мускулами всего, лоснящегося от пота тела. От знатоков искусства, знакомых с трудами Королькова, не редко мне приходилось слышать: "В руках Сергея Королькова, инертный кусок материи, мгновенно, даже до окончания им работы, превращается в одухотворенное, восхищающее зрителя и всегда в движении "живое" существо..."

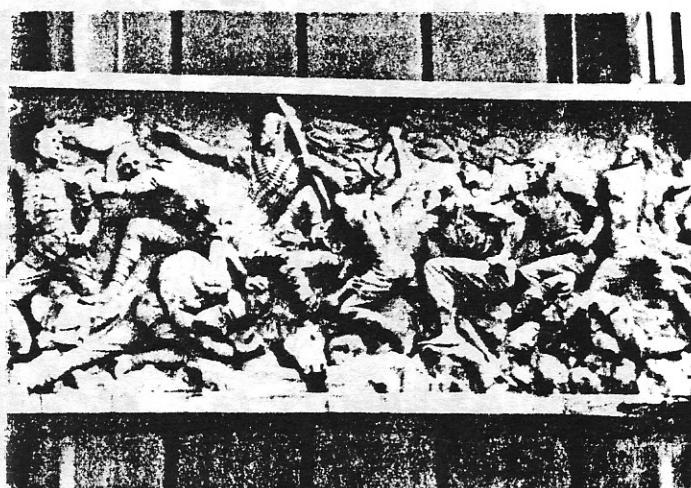
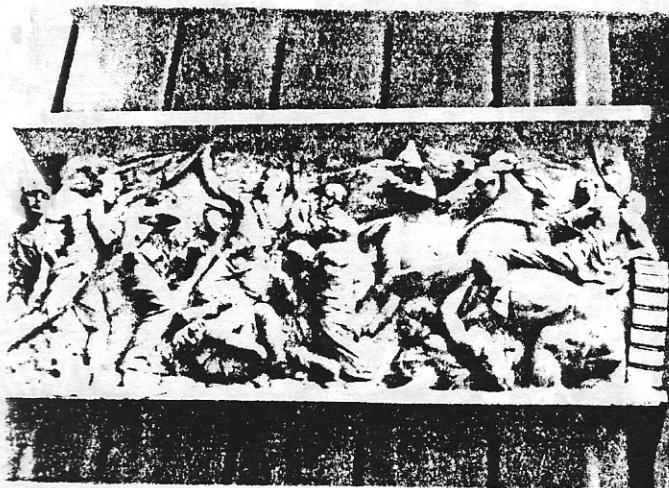
Гражданская война бесповоротно уничтожает беззаботную жизнь молодого казака. Все привычное и дорогое, к чему неудержимо, с младенческих лет привязан юноша, мгновенно исчезает. Гибнет отец, умирает и старший брат. Непостижимо уму "бедняка" и последовавшее безжалостное гонение и уничтожение Казачества. На окончание среднего образования нет никакой надежды. После Гражданской войны К. вместе со своей матерью перекочевывает в глуши устья Дона, на хутор Шмат.

В тяжелые послереволюционные годы главная задача - самому как-нибудь выжить, а также

и обеспечить стареющую мать. Благодаря крепкому телосложению, пятнадцатилетнему Сергею удастся устроиться в рыбакскую артель.

В свободное от работы время он зарисовывает отдельные эпизоды повседневной деятельности рыбаков. Когда нет клочка бумаги, из глины вылепливает сюжеты из окружающей его природы...

"Впервые его увидели в окрестностях станицы Елизаветинской в 1926 году выезжавшие в те места на этюды ростовские художники, внимание которых привлекла стоящая на берегу Дона мастерски вылепленная из глины большого размера фигура рыбака. Местные станичники назвали автора. Им оказался казак, живущий на соседнем хуторе Шмат, Сергей Григорьевич Корольков. Еще большее впечатление на ростовчан произвели выполненные карандашом композиции, рассказывающие об участии донских казаков в различных войнах прошлых столетий. Талантливого самоучку пригласили в Ростов в популярную в художественных кругах тех лет школу Андрея Семеновича Чиненова... Хорошо знавшие Королькова живописец П. С. Келлер и график А. Е. Глуховцев довольно колоритно описывали его внешность: в школу он пришел в огромном тулупе, в забродских сапогах, подпоясанный кушаком из куска сети. Физически сильный, характера резкого. Его отличала большая сила воли и огромная работоспособность.

С. Г. Корольков, горельеф – Фасад Ростовского драматического театра им. М. Горького.

Корольков мог рисовать целый день, не уставая, а в кармане у него часто торчал кусок деревянной ножки от разломанного стола или дивана, из которой он вырезал какую-либо фигурку".*)

Когда Королькову исполнилось 22 года, в Ростове состоялась его первая выставка, а вскоре его работы батальной тематики выставлялись в краевом Музее северного Кавказа.

В тридцатых годах Корольков приступает к исполнению первого скульптурного заказа – горельефов на тему Гражданской войны на фасаде Ростовского драматического театра имени М. Горького. Одновременно, внутри театра, подобный заказ выполняет Александра Михайловна Дрейлинг. Несмотря на основательную разницу в возрасте, между ними зарождается обоюдное уважение, и оба скульптора полезными советами, не стесняясь и критики, помогают друг другу в выполнении намеченной работы.

При попытке поступления в Академию художеств природный талант Королькова был высоко оценен, но в приеме в высшее учебное заведение ему отказали, ссылаясь на его уже полностью сложившийся стиль. Проходить курс изучения, подражая существующим художественным школам и течениям, при наличии властного и непреклонного характера поступающего, преподаватели нашли нецелесообразным. По словам супруги К. - Елизаветы Ивановны, с которой он познакомился в Академии, при отказе Королькову было заявлено – "...У вас, Сергей Григорьевич, свой сложившийся стиль. Учить вас нам нечему. Пребывание ваше в Академии

*) В. РЯЗАНОВ, "Культура", №.2 (6814), Москва, 21 сент. 1991г.

принесет один вред. То, что вы желаете выразить, вам будет легче исполнить без изучения иных, часто противоречивых художественных течений".

В тридцатых годах перед выпуском романа «Тихий Дон» Михаил Шолохов, в разговоре с М. Горьким, пожаловался ему, что, несмотря на всесоюзные розыски, удовлетворительного иллюстратора к роману он найти не смог. Горький ответил, что всесоюзные розыски безнадежны, так как тема романа тесно связана с на редкость колоритным казачьим бытом, могущим быть справедливо воспроизведенным в иллюстрациях только исключительно чутким и талантливым местным жителем - казаком.

- Откуда же мне взять одаренного художника-казака, - ответил Шолохов? Кажись, Дон художниками не так уж богат!

"Тихий Дон", иллюстр. С. Г. Королькова "Пленные большевики".

- Ничего, нашелся автор для романа, найдется и достойный иллюстратор, ответил ему Горький и посоветовал Шолохову связаться с Корольковым.

Исполненные Корольковым рисунки полностью удовлетворили Шолохова. Кроме общего художественного впечатления от иллюстраций, его поразило невероятное, исчерпывающее знание художником донского коня, казачьих ужимок и т. п., но, считая себя непревзойденным знатоком казачьего быта, он не успокоился, пока, после долгого изучения всех иллюстраций, не нашел одной маленькой неточности в сбруе коня.

Близкими друзьями они не стали, уж слишком самоуверенны были их характеры, но свое уважение к творчеству Королькова Шолохов сумел высказать в самой альтруистической и благородной форме. На хранившемся в ростовском Музее краеведения экземпляре первого

выпуска романа "Тихий Дон" Шолоховым написаны следующие слова: "Тем охотнее распишусь на этой книге, т. к. она снабжена поистине уникальными в своей правдивости и знании донского быта иллюстрациями Королькова. М. Шолохов 12.1. 1969 г."

По-видимому "корифей всех наук", в том числе и художественных, оказался иного мнения. Склад жизни казаков, уничтожение которых в те годы еще продолжалось, воспеванию и идеализированию не должен был подвергаться, и иллюстрации Королькова при следующем издании исчезли и были заменены рисунками, имеющими мало общего с Донским казачеством.

Итак, в течение полувека многочисленные издания на многих языках мира, даже после присвоения Шолохову Нобелевской премии, рисунками Королькова не иллюстрировались. Мне

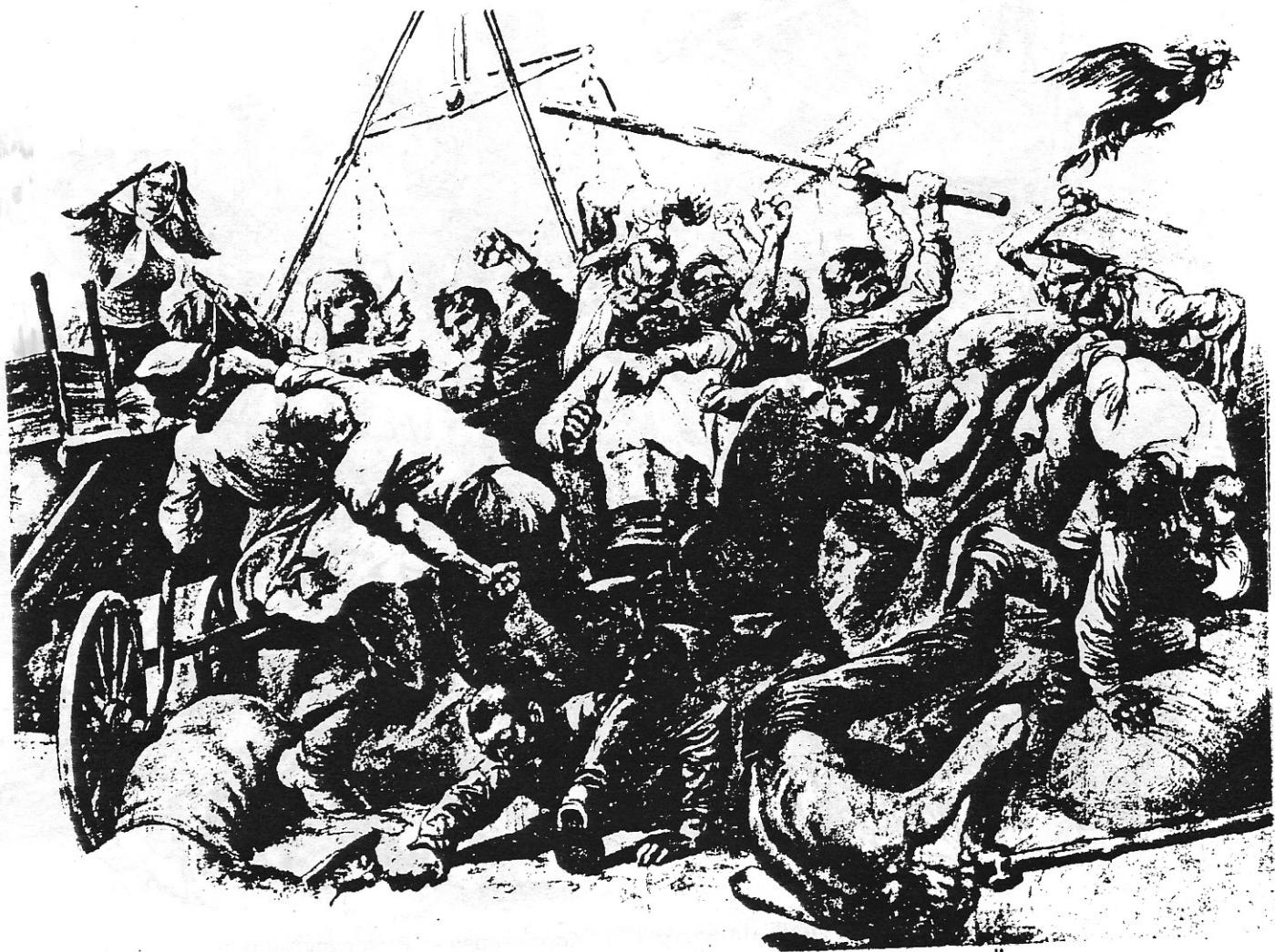

"Тихий Дон", иллюстр. С. Г. Королькова - "Рукопашный бой".

привелось любоваться несколькими оригинальными зарисовками, которые Сергею Григорьевичу удалось сохранить, но моей заветной мечтой было приобрести иллюстрированный Корольковым первый выпуск знаменитого романа. Мечта эта никогда не покидала меня, но надежды не было никакой, ведь и сам Сергей Григорьевич изданием этим не обладал. Но, как говорят, "Бог не без милости".

Два года тому назад вместе с другом Владимиром Петровичем Ермиловым, тоже Донским казаком, я впервые посетил ту дорогую землю, которую, несмотря на то, что на ней я не родился, всегда считал и буду считать своей незаменимой и единственной Родиной. После посещения Ростова и Новочеркасска, на "ракете" по Дону, мы доплыли до Старочеркасска. В

краевом казачьем Музее мы познакомились с историком Михаилом Павловичем Астапенко. Следуя замечательной, сохранившейся на родине трогательной традиции - при расставании новый знакомый обязательно дарит что-нибудь на память; авторы, чаще всего, преподносят свои, собственноручно подписанные труды. Во время встречи я спросил у Михаила Павловича, возможно ли купить первое издание "Тихого Дона". Узнав причину моего желания приобрести именно первый выпуск, М. П. оповещает, что оно уже давно превратилось в музейную редкость, найти его невозможно, но в Ростове в 1988 году "Тихий Дон" заново переиздан, на этот раз, с оригинальными иллюстрациями С. Г. Королькова. Хотя и его в продаже не найти, но, благодаря широте русской души, домой в Калифорнию я привез не только труды М. П. Астапенко, но также и его личный экземпляр любимого романа.

"Тихий Дон", иллюстр. С. Г. Королькова - "Драка на мельнице".

По словам ростовского искусствоведа В. Рязанова, с которым я познакомился во время моей вторичной поездки на Дон, всестороннее знание Корольковым казачьего быта было также использовано и в других отраслях искусства: "снимавший по шолоховскому роману фильм кинорежиссер С. А. Герасимов именно в иллюстрациях Сергея Королькова нашел богатый материал о жизни, быте, Войсковом укладе донского казачества".

Для заработка на жизнь Королькову, не переносящему никакой фальши, притворства и подхалимства, приходилось выполнять заказы выставочных скульптур, провозглашавших достижение социализма: стахановцев-шахтеров, доярок и рабочих. Когда же ему было предложено лепить бюст "непогрешимого отца народов" - Сталина, он упорно отказывался, оправдываясь тем, что до выполнения подобных "шедевров" он еще не дорос. Последовали допросы. Спасла

Королькова найденная при обыске переписка с Шолоховым и другими неприкосновенными особами коммунистической иерархии в отрасли искусства. Королькова выпустили, но постоянная слежка беспрестанно напоминала Королькову, что его личность для властей, в лучшем случае, подозрительна.

Необыкновенную силу характера и убеждений Корольков проявил во время допросов. В архивах Ростовского УКГБ сохранился документ - собственноручно написанная Корольковым автобиография. Кроме личных данных, в ней имеются и следующая критика власти, в руках которой находилась его судьба: "Особенно возмущала меня политика правительства по коллективизации. На мой взгляд, крестьянин должен иметь индивидуальное хозяйство, ибо он по психологии своей всегда является собственником. Только совокупность подобных сельских

"Тихий Дон", иллюстр. С. Г. Королькова - "Восстание казаков в 1918г".

индивидуальных хозяйств могла обеспечить благосостояние страны... Мои политические симпатии были на стороне казачества, которое пострадало во время саботажа..."). После подобного откровенного признания выжить под знаком красной звезды Королькову было немыслимо.

Тот факт, что Королькова, несмотря на крепкое телосложение и здоровье, власть не призывала на отбывание военной службы, явно свидетельствует, что его она считала политически недостойным доверия. Корольков же, в свою очередь, себя гражданином СССР не считал. К счастью, присягать этой власти ему не пришлось, от вступления в партию, в профсоюзы и даже от голосований он категорически отказывался.

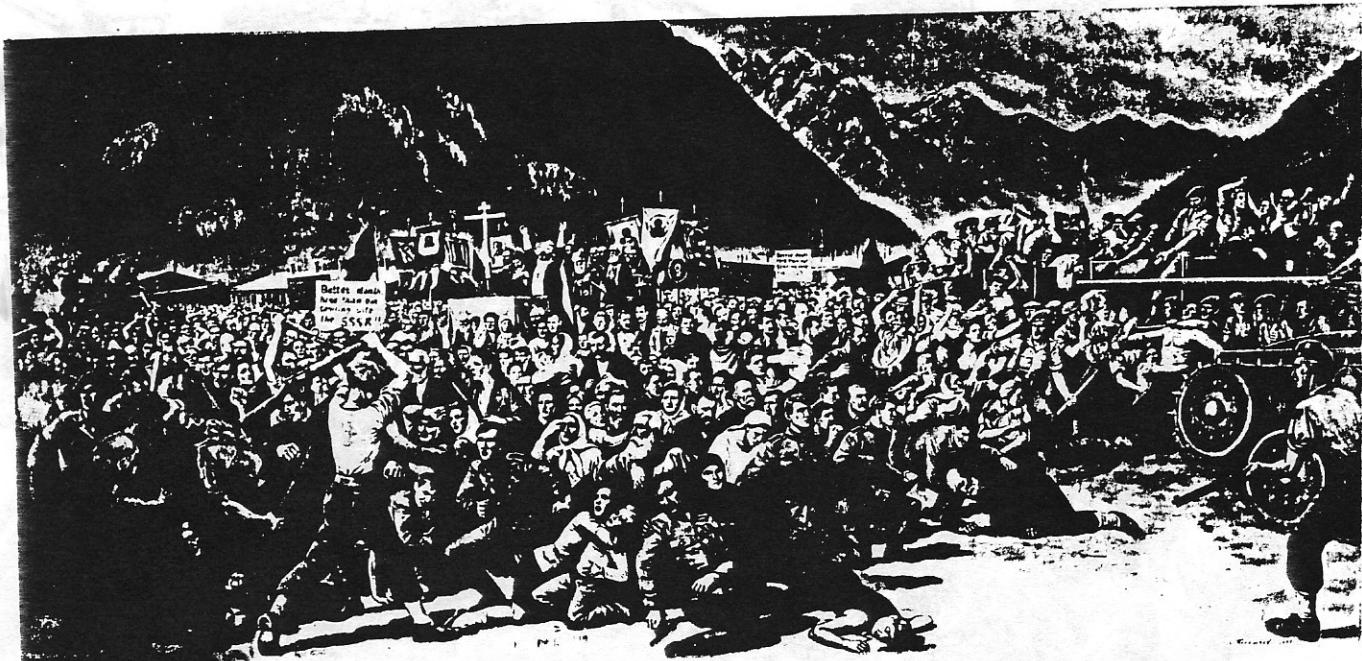
При эвакуации Ростова уходящие на восток поезда заполнялись членами коммунистической иерархии - заслуженными, верными служителями режима и их имуществом. Рядовому населению был отдан приказ: отступать, но как и при каких условиях предвидено властью не было, поэтому многие желающие избежать "прелестей" жизни под оккупационной властью врага эвакуироваться не смогли. Между ними очутились и Корольковы.

^{*}) В. РЯЗАНОВ, "Культура", № 2 (6813), Москва, 21 сент. 1991г.

После Сталинградской битвы, до вступления советской армии в Донскую область, десятки тысяч уцелевших при кровавых сталинских расправах казачьих семей, лишь бы не подвергать себя новым гонениям, предпочли избрать терновый путь изгнания.

Перед уходом Корольковых на Запад не пожелавшая присоединиться к ним престарелая мать, поставив невестку перед образами на колени, велела ей поклясться, что она, ни при каких условиях не покинет ее неприспособленного к житейским трудностям, непрактичного сына. Только после обещания невестки исполнить ее требования, ничем не выражая внутреннего волнения, стойкая мать благословила покидающих родину детей.

Продвижение на Запад, часто пешком, длилось несколько месяцев. Многие, особенно старики и дети, своими трупами усеяли мученический путь изгнанников. На телегах, запряженных волами, конями, а иногда и верблюдами, покидали родной край обездоленные "враги народа". Городские жители, за неимением тяговой силы, тянули свои пожитки на своих спинах. Где-то в этом людском море, по колено в грязи, продвигалась на запад и чета Корольковых.

С. Г. Корольков, картина маслом - "Выдача Казаков в г. Лиенце.
(Австрия) 1 июня 1945 года.

Большинство уцелевших, после лиенцевской выдачи англичанами, окончили свои житейские дни в концлагерях северной Сибири.

Корольковым посчастливилось. Несмотря на то, что "органы" упорно охотились за Корольковым, благодаря человеческой отзывчивости и доброте, удалось избежать насилиственной депатриации.

Во время оккупации побежденной Германии и Австрии в западных оккупационных зонах этих государств победителями были созданы репатриационные лагеря, где, по национальному признаку, собирались все те несчастные люди, которые, во время войны были вывезены врагом для принудительных работ. В одном из таких лагерей, в городе Парш в Австрии, удалось приютиться и Корольковым.

По всем лагерям бесконечно шныряли так называемые "репатриационные офицеры", стремящиеся выловить и отправить на родину всех тех несчастных людей, которые скрывались под подделанными документами белых эмигрантов.

На Королькова советские "органы" вели особую травлю, стремясь всякими способами вернуть его в СССР, но вскоре разразившаяся "холодная война" не дала советским властям возможности довести свою акцию до конца.

Несмотря на опасность быть выданным на расправу соввласти, несмотря на трепку нервов очередными посещениями и допросами советских чиновников, жители лагеря всеми мерами стремились создать подобие мирной, целеустремленной социальной жизни.

Во всех лагерях, расположенных в зонах оккупации западных "союзников", чуть ли не с первого дня закипала общественная деятельность. В первую очередь жители лагеря организовывали церковь, а за ней - начальную школу, гимназию, детскую воспитательную организацию, театр, образовательные курсы. Недостатка в добровольном бесплатном персонале не было. Не редко бывало, что в насконо созданном среднем учебном заведении преподавателями были бывшие профессора российских университетов. На протяжении покоренной Германии и Австрии возникло множество микроскопических русских центров - маленьких "родин", где упорно воспитывалось будущее, не искалеченное марксистским "учением", поколение русских детей.

С. Г. Корольков, иллюстр. - "При отступлении К. А.
ликвидация учеников Днепропетровского ФЗУ."

С. Г. Корольков, иллюстр.
"Жить стало лучше..."

В Австрии, в лагере перемещенных лиц в городе Парш, Сергеем Григорьевичем был основан кружок изучения живописи. В нем собралось около десятка молодых художников. Между ними выделялись художники Бобринский, Попов, Черкашинов. Много лет спустя, во время моего проживания в Канаде, при посещении С. Королькова города Монреаля, я смог убедиться, с каким уважением и любовью относился к своему учителю его бывший ученик Григорий Попов. С не меньшим почтением к Королькову относились и остальные представители русской лагерной интеллигенции. С одним из них, Михаилом Васильевичем Миллером, ~~впоследствии~~, в Калифорнии мне привелось близко познакомиться и сдружиться.

Михаил Васильевич был литератором; по всей вероятности, его любовь к родному Дону была причиной многолетней дружбы с С. Корольковым. Как-то еще в лагере Парше Корольков сунул Миллеру рукопись. Кратко, без ложной скромности, сказал: - "Прочтите! Что написано хорошо - сам знаю, но хотелось бы, чтобы и вам это было известно".

Этот рассказ касался повседневной, казалось бы ни чем не привлекающей внимания, тяжелой артельной жизни рыбаков в гирле Дона. Удивленного читателя поразила изумительная память Королькова, потрясающая привязанность ко всему родному и дорогому, всестороннее понимание психологии рыбака. Но больше всего произвел впечатление на Миллера, родившегося вблизи описываемых мест, неподдельный, невыразимо образный, рыбацикий язык казаков низовья Дона.

В конце 1948 года, благодаря поручительству родственника Николая Евдокимовича Королькова, эмигрировавшего после эвакуации 20-го года, Корольковы вместе с родившимся в 1945 году сыном Александром переезжают в Нью-Йорк. Квартиру они снимают в северной части города в том же доме, где этажом выше, жил дирижер донского хора Сергей Жаров.

Устроиться по профессии, не зная местного языка, всегда трудно, а тем, которым не привелось приобрести ремесло - почти невозможно. Чета Корольковых поступает на фабрику, изготавливающую разных сортов материю. Меняющаяся мода и вкус покупателей заставляет предприятие без конца менять узоры ткани. Этой унизительной для художника работой в зарубежье Корольковым пришлось зарабатывать на существование.

По словам Сергея Григорьевича, подобный труд для него - моральная мука, и единственной духовной отдушиной являются еженедельные встречи в его квартире с русскими знакомыми - представителями мира искусств. На этих встречах часто присутствуют и представители амери-

С. Г. Корольков, иллюстр.
"Побег женщины ЗК. из концл."

С. Г. Корольков. иллюстр.
"Раскулаченные казаки."

канской интеллигенции. По-видимому, благодаря местным новым знакомствам, Королькову удается заручиться несколькими заказами. В это время в еженедельных выпусках журнала "Life" появляется серия зарисовок мифического рассказа - Сибирского восстания против коммунистической власти, поголовного населения концлагерей. Подобно иллюстрациям "Тихого Дона", рисунки в этом журнале потрясают своим неподдельным реализмом. На изнеможенных лицах арестантов выражены все те чувства, которыми руководится масса во время стихийного восстания. В противовес иллюстрациям "Тихого Дона", где почти исключительно воспроизведены типы Донских казаков, на этот раз в цветных иллюстрациях Королькова можно встретить представителей всех многочисленных народов нашей родины, насилием загнанных коварной властью в концлагеря.

При первой моей встрече с Сергеем Григорьевичем, восторгаясь только что виденными мною замечательными зарисовками, я воскликнул, что он, находясь теперь в свободной стране, сможет дать полный ход ничем не ограниченной фантазии и творчеству. Сергей Григорьевич печально покачал отрицательно головой и произнес: "Советская власть всеми мерами борется против проявления у своих граждан любого рода творческой инициативы. Для проведения в жизнь своих политических замыслов ей нужны покорные холопы, способные лишь на беспрекословное исполнение партийных заказов. В подобной атмосфере полностью атрофируется не только умение но даже и желание проявлять личную творческую инициативу".

Однако, С. Г. упорно боролся, стараясь неимоверным усилием воли заново воссоздать творческое воображение. В квартире Корольковых на стене висели его работы: портреты Атамана Платова и Ермака. На полке камина - бюст Жарова. Вся гостиная была заставлена вылепленными из пластилина фигурами на тему американской ковбойской героики. Я никак не мог оторвать глаз от скачущего индейца, при помощи копья стремящегося убить разъяренного зубра. Не менее потрясающее впечатление производил поединок между краснокожим с нападающим на него ковбоем. Поражала кропотливая деталь, но она ни в коем случае не отвлекала зрителя от главной заслуги мастера - необъяснимого умения из инертного материала создать динамическое чувство действия и движения.

Но для выливания бронзовых статуй исключительных скульптур Королькова были нужны финансовые средства, которых ни у самого Королькова, ни у его знакомых не было. Вследствие нестерпимой летней жары фигуры постепенно теряли свою основную форму...

После переезда моей семьи в Калифорнию летом 1960-го года на каникулы к нам приезжает

С. Г. Корольков, иллюстр.
"Эвакуация города Ростова".

С. Г. Корольков, иллюстр.
"Равноправие женщины".

семья Корольковых. В Лос-Анджелесе она встречает ряд своих друзей по Европе; мы посещаем студию преуспевающего знакомого художника, но несмотря на финансовый успех последнего, на так называемое "современное творчество" К. смотрит отрицательно.

В послевоенные годы США охотно впускали к себе молодых людей, обладающих ручным ремеслом. Остальные категории обездоленных беженцев - представителей интеллигенции, старииков и детей могли получить визу только при финансовом поручительстве проживавших в Америке материально обеспеченных родственников или знакомых, обязующихся, в случае надобности содержать выписываемых ими эмигрантов.

Несмотря на скромность личных средств, Корольковы, всячими правдами и неправдами выписывают многочисленных соотечественников. Квартира Корольковых превращается в убежище, где не имеющие кровя приезжие всегда могут найти крышу и пропитание.

Всем нуждающимся было известно, что Корольковы поделятся последней копейкой; возвращать же долг - не обязательно, т.к. никто из Корольковых упоминать о займе не будет.

Еще в первые годы жить в США. С. Г. Корольков потерпел сердечный удар; по повелительному приказанию врачей он бросает курить, даже на Пасху не дотрагивается к традиционной рюмке водки.

Но несмотря на оторванность от Родины, несмотря на многочисленные житейские трудности, работы Королькова последнего периода его жизни, может быть, ярче всего подчеркивают его редкое дарование. В эти годы все сюжеты его творчества касаются быта любимого Казачества. Как будто перед смертью художник желал в последний раз подчеркнуть свою ничем не ограниченную, никем и ничем не искалеченную безграничную любовь к народу, к которому он принадлежал.

На громадном полотне он воспроизводит щемящую сердце картину - избиение и выдачу Казаков после окончания войны в Лиенце в 1945 году.

На ней в долине альпийских гор во время Пасхального Богослужения части английской пехоты, при помощи танков и ружейных прикладов, перед выдачей в руки советской власти, избивают толпу казаков, казачек и детей...

Не менее потрясающая работа Королькова - памятник Ермаку. На скале, в царском панцире, опершись на саблю, сидит "объятый думой" покоритель Сибири - Донской казак Ермак Тимофеевич. Складки накинутого на плечи плаща, как будто колышутся в порыве северного ветра. И в этом труде не чувствуется инертности статического изображения. Ермак и в бронзе жив, он только объятый думой, он вот-вот встанет и протянутой рукой укажет рати своей направление к новым схваткам, подвигам и славе...

Непримиримость Королькова к советской власти была безоговорочной. На мой вопрос, не желает ли он посетить выставку в Нью-Йорке, на которой экспонируется его же работа, он ответил, что с советской властью у него никакого сношения быть не может, и своим денежным взносом за входной билет валютой субсидировать советские заграничные авантюры не намерен.

В конце 59го года в США приехал Н. Хрущев. С собой он захватил и М. Шолохова, которому было поручено уговорить Королькова возвратиться на Дон. От встречи с Шолоховым Корольков отказался.

Скончался скульптор Сергей Григорьевич Корольков от разрыва сердца в 1967 году в возрасте 62-х лет. Похоронен он на казачьем участке Свято-Владимирского кладбища на ферме Рова в штате Нью-Джерзи.

Нет сомнения, что на похоронах усопшего многие присутствующие соотечественники почувствовали не только личную потерю редкого, верного друга, но также, что мир покидает исключительно талантливый, чуткий, человек.. не преклонившийся перед ненавистной властью, невероятной воли казак, во имя своих убеждений принесший и высшую личную жертву - добровольное, мучительное изгнание...

В. И. Быкадоров.
Калифорния, США.

С.Г. Корольков, -"Ермак",
портр. маслом.

С.Г. Корольков, памятник - "Жертвам коммунизма".

С. Г. Корольков, иллюстр. "Терновый путь изгнания".

Скульптор С. Г. Корольков
Автопортрет пастелью - 1947 год.